

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	страницы.
Предисловіе	1
Введеніе.	
Значеніе философіи. Философія „дѣйствительности“ и ея составныя части	3
Часть первая.	
Основныя формы бытія.	
I. <i>Элементарныя понятія міропостиженія</i> : бытіе, пространство, перемѣна, причинность, время	5
II. <i>Логическія свойства бытія</i> : приложеніе къ бытію закона противорѣчія, соотвѣтствіе закона причинности логическому закону достаточнаго основанія, систематичность бытія	11
III. <i>Отношенія бытія къ мышленію</i> : солидарность обѣихъ областей, компетентность разума въ пониманіи дѣйствительности, значеніе фантазіи въ наукѣ; аналогичность объективной природы съ субъективною; значеніе цѣлесообразности	14
Часть вторая.	
Основныя начала ученія о природѣ.	
I. <i>Исходныя пункты для философіи природы</i> : приложеніе къ ней математическихъ и механическихъ категорій	18
II. <i>Основныя законы вселенной</i> : законы постояннаго пребыванія и законы развитія	22
III. <i>Органическіе законы развитія</i> : понятіе прогресса; теорія развитія вообще и теорія сочетаній или сложений	27

Часть третья.

Учение о человекѣ.

I. <i>Элементы сознанія: общія понятія о сознаніи, ощущеніи и чувства, влеченія и страсти, разумъ и разсудокъ.</i>	35
II. <i>Правственность, право и усовершенствованіе человечества: отношеніе между волями, какъ основаніе нравственности; месть, какъ основаніе права, возможности для благороднѣйшихъ формъ человечности.</i>	49
III. <i>Общественность и исторія: общество на основаніи принципа автономіи и независимости его членовъ, значеніе исторіи и цивилизаціи</i>	65
IV. <i>Повышеніе цѣнности жизни: пессимизмъ и его причины, оцѣнка элементовъ жизни, развитіе и повышеніе наслажденій жизнью</i>	75
V. <i>Общая характеристика социализированной общественной жизни: различныя отношенія матеріальной и духовной сторонъ жизни</i>	82

Критическія замѣчанія къ философской системѣ Дюринга.

§ 1. <i>Личный характеръ Дюринга и поставленный имъ принципъ, по которому философія есть выраженіе нравственнаго настроенія</i>	89
§ 2. <i>Замѣчанія къ теоріи познанія, метафизикѣ и философіи природы Дюринга</i>	108
§ 3. <i>Критическія замѣчанія къ этикѣ, социології и другимъ частямъ философской системы Дюринга</i>	133
§ 4. <i>Общее сужденіе о философіи Дюринга</i>	167 161

ФИЛОСОФІЯ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

Изложеніе философской системы Дюринга.

Предисловіе.

Что мы въ философіи далеко отстали отъ другихъ европейскихъ народовъ—это фактъ, не подлежащій для меня никакому сомнѣнію, и что въ настоящее время въ нашемъ обществѣ начинаетъ чувствоваться нѣкоторая потребность въ этой наукѣ—это фактъ, въ которомъ я начинаю все болѣе и болѣе убѣждаться. Эти два надлежащимъ образомъ сопоставленные факта побуждаютъ меня предпринять трудъ изложенія философской системы Дюринга, одного изъ современныхъ вориѳеевъ германской философіи. Что Дюрингъ талантливый и оригинальный мыслитель, что онъ обладаетъ громадною и разностороннею эрудиціею, въ томъ едва ли усомнится кто либо, знакомый съ его сочиненіями и съ положеніемъ его въ наукѣ. Во всякомъ случаѣ такой скептикъ не поколебалъ бы ни на іоту моего убѣжденія въ полезности предпринятаго мною труда, при предположеніи, что онъ будетъ исполненъ обстоятельно.

Но изъ сейчасъ сказаннаго нисколько не слѣдуетъ, чтобы я считалъ философію Дюринга чѣмъ то не подлежащимъ критикѣ. Она и можетъ, и должна подлежать ей. Но прежде нужно съ нею познакомиться. Давно уже философствуетъ Дюрингъ, а между тѣмъ въ русской литературѣ, сколько мнѣ извѣстно, были объ немъ двѣ самыя поверхностныя статейки: одна лѣтъ пять тому назадъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ по поводу его политико-экономическихъ воззрѣній, другая года три тому назадъ по поводу его „Критической исторіи Философіи“ въ „Знаніи“. А между тѣмъ вотъ уже два года какъ Дюрингъ вполне и окончательно высказался. Но вѣдь, нужно же когда либо и кому либо познакомить русскаго читателя съ этимъ несомнѣнно замѣчательнымъ мыслителемъ. Лишу себя надеждою, что я могу выполнить эту задачу.

Теперь нѣсколько словъ о планѣ этого труда.

Въ основу его я возьму сочиненіе Дюринга: *Cursus der Philosophie Leipzig 1875* (курсъ философіи). Это законченное систематическое выраженіе его системы. Но кромѣ того я буду пользоваться и нѣкоторыми другими его сочиненіями, а именно: 1) *Natürliche Dialektik Berlin 1865* (Естественная діалектика). Это одно изъ замѣчательнѣйшихъ его сочиненій по логикѣ и теоріи познанія. 2) *Werth des Lebens Breslau 1865* (Цѣнность жизни). Это сочиненіе относится къ области этики. 3) *Kritische Geschichte der National Oekonomie und Socialismus 2 Auflage Berlin 1875* (Критическая исторія политической экономіи и социализма). 4) *Kritische Geschichte der Philosophie 2 Auflage Leipzig 1873* (Критическая исторія философіи). 5) *Kritische Geschichte der allgemeinen Principien der Mechanik. Berlin 1873* (Критическая исторія общихъ началъ механики). Это сочиненіе, увѣнчанное преміей Геттингенскимъ университетомъ, представляетъ исторію основныхъ понятій и началъ механики въ связи съ философскими на нихъ воззрѣніями.

Такъ какъ мнѣ придется дѣлать нерѣдко указанія на эти сочиненія и брать изъ нихъ цѣлыя цитаты, то я буду кратко обозначать ихъ слѣдующимъ образомъ. „Cursus“ будетъ обозначенъ буквою С.; прочія же въ вышеприведенномъ порядкѣ будутъ обозначаться буквами: 1) N. D., 2) W. L., 3) K. G. N.; 4) K. G. P.; 5) K. G. M.

Что касается до остальныхъ сочиненій Дюринга, то едва ли мнѣ придется на нихъ ссылаться, а если и случится, то я укажу тогда же на ихъ заглавіе.

Въ изложеніи системы Дюринга я болѣе остановлюсь на существеннѣйшихъ ея сторонахъ. Гдѣ будетъ возможно, я постараюсь приводить его собственныя слова.

А. Козловъ.

ВВЕДЕНИЕ

Значение философии. Философия „дѣйствительности“ и ея составныя части.

При очевидномъ безсиліи системъ и ученій, руководившихъ до сихъ поръ народами, создать нравственное объединеніе людей и вести ихъ къ высшимъ и удовлетворяющимъ формамъ сознанія и жизни, эту задачу должна взять на себя философія. Для нашей и для будущихъ эпохъ „она уже не можетъ быть неподвижнымъ міросозерцаніемъ, но непрерывно дѣятельнымъ началомъ всесторонняго преобразованія жизни. Для выполненія этой задачи философское сознаніе не должно оставаться только теоретическимъ, научнымъ сознаніемъ о мірѣ и жизни, но стать настроеніемъ, руководящимъ и облагораживающимъ естественныя влеченія воли, какъ въ индивидуальной, такъ и въ общественной жизни“ (С. 1, 2). Философъ-ки развитое сознаніе должно быть „высшею формою сознанія о мірѣ и жизни“. Но чтобы стать этою высшею формою сознанія философія должна признавать себя единственною высшею инстанціею какъ въ постиженіи міра и всего сущаго, такъ и въ оцѣнѣ бытія и жизни: она должна признать себя единственнымъ мѣриломъ истины и справедливости. Всяческія убѣжденія должны оправдать себя передъ ея высшимъ трибуналомъ, который есть трибуналъ науки и разума вообще. Философіи принадлежитъ послѣдній рѣшительный голосъ относительно всяческихъ представленій какъ о дѣйствительномъ, такъ и о возможномъ, ибо она имѣетъ мѣрило для всякаго рода идей. Но эта рѣшающая мощь можетъ быть приобрѣтена человекомъ только на пути строго научнаго подъема всѣхъ элементовъ сознанія; обогащеніе себя приобрѣтеніемъ точнаго и достовѣрнаго знанія о мірѣ и человѣческой природѣ составляетъ предварительное условіе для ея философской самостоятельности, которая должна имѣть силу не только для мышленія, но и для практической дѣятельности какъ коллективной, такъ и единичной (С. 7).

Но эта задача, думает Дюрингъ, не разрѣшима для современнаго общества, по самой сущности своей неспособнаго обуздывать эгоизмъ. Только социализированный общественный бытъ, въ которомъ съ одной стороны дѣйствительный трудъ получить подобающее ему значеніе, а съ другой отнимется возможность жить на счетъ чужаго труда, можетъ принудить евреевъ мало по малу измѣнить ихъ хищническія тенденціи на болѣе согласныя съ лучшею общественностью привычки. При этомъ само собою разумѣется, что въ вопросѣ о преобразованіи отношеній евреевъ къ обществу не должно быть рѣчи о какихъ либо репрессивныхъ мѣрахъ или гоненіяхъ, которымъ нѣкогда подвергался этотъ народъ.

Не маловажную роль въ дѣлѣ *сглаживанія* расовыхъ и племенныхъ отличій въ направленіи благопріятномъ для социализаціи должно играть, по мнѣнію Дюринга, *смѣшеніе половъ* въ бракѣ. Принимая во вниманіе, что разъ сложившіяся подъ вліяніемъ какихъ бы ни было условій (теллурическихъ, космическихъ и пр.) племенные особенности главнымъ образомъ поддерживаются путемъ наследственности, нѣтъ возможности не принимать въ расчетъ этихъ особенностей въ вопросѣ о брачномъ смѣшеніи. Но если для сохраненія чистоты племенныхъ свойствъ отъ неблагопріятныхъ постороннихъ примѣсей древнія законодательства не видѣли другихъ средствъ, кромѣ воспрещенія смѣшанныхъ браковъ между различными племенами, то въ будущемъ обществѣ эту охранительную роль должна взять на себя полная свобода брачныхъ отношеній. Когда будетъ устранена проституція и принудительный бракъ во всѣхъ формахъ (напр., въ силу экономическихъ побужденій) и когда, слѣдовательно, наступитъ полный просторъ для естественныхъ влеченій, то въ свободныхъ брачныхъ комбинаціяхъ индивидуумовъ будутъ сами собою сглаживаться всѣ племенные особенности, неблагопріятныя для высшей и лучшей общественности. „Было бы странно, говоритъ Дюрингъ, если бы природа учредила влеченія такъ безсмысленно, что они никогда не могли бы указать заранѣе въ формѣ чувства на противорѣчіе неестественной комбинаціи расъ и внутреннюю дисгармонію не соответственныхъ племенныхъ смѣшеній“.

Такимъ образомъ социализація формъ жизни и полная *свобода выбора* въ бракѣ, на основаніи естественныхъ влеченій, представляется, по Дюрингу, лучшимъ средствомъ при общемъ вопросѣ о трудности сгладить расовыя различія, а въ частности они же могутъ способствовать разрѣшенію спеціальнаго вопроса объ эмансипаціи отъ вредныхъ

вліяній, вносимыхъ въ общественную жизнь евреями. Съ одной стороны полная интернаціональная свобода передвиженія, при игрѣ естественныхъ симпатій и антипатій, открывала бы возможность группироваться въ социализированныя единицы болѣе родственнымъ элементамъ изъ различныхъ племенъ. Съ другой стороны свободный выборъ въ бракѣ гарантировалъ бы отъ вредныхъ и неестественныхъ смѣшеній, нисколько не мѣшая образованію благоприятныхъ для общественности помѣсей.

Вообще же „исходнымъ пунктомъ всяческой разумной социализаціи должна служить *свобода и неприкосновенность личности и ея свойствъ*“. Эта свобода и неприкосновенность личности понимается Дюрингомъ въ такомъ широкомъ смыслѣ, что не только долженъ быть ей предоставленъ доступъ къ веществу и силамъ природы для труда и достойной жизни, но чтобы даже принято было во вниманіе и фізіологическое производство человѣка. Съ этой точки зрѣнія существа, еще не появившіяся на свѣтъ Божій, имѣютъ уже право на заботу объ нихъ: пусть они лучше вовсе не получаютъ существованія, чѣмъ взойдутъ въ жизнь съ противорѣчащими ей задатками. Въ обществѣ, которое будетъ представлять высшія формы общественности, нравственныя требованія будутъ на столько высоки и строги, что возникновеніе новой жизни будетъ рѣшаемо въ интересахъ того, кто въ нее вступить, а не въ эгоистическихъ интересахъ самихъ производителей. Свободное и облагороженное естественное любовное влеченіе есть *conditio sine qua non* для осуществленія такихъ нравственныхъ требованій.

Прямимъ послѣдствіемъ этого общаго исходнаго пункта социализаціи является у Дюринга требованіе, чтобы она включала въ себѣ „*всѣ отношенія, въ которыхъ существованіе одного человѣка зависитъ отъ благорасположенія или произвола другихъ*“. Такимъ образомъ не только въ охваченныхъ всеобщей социализаціей отношеніяхъ супруговъ будетъ господствовать начало равенства, но даже въ основу отношеній родителей къ дѣтямъ ляжетъ признаніе за этими послѣдними ихъ правъ, какъ членовъ цѣлаго. Это признаніе не только не будетъ мѣшать опекающему родителю надъ дѣтьми во время ихъ малолѣтства, но напротивъ еще повыситъ естественные аффекты съ обѣихъ сторонъ. (С. 386—401).

Теперь укажемъ на характеръ, который должны принять, по Дюрингу, въ будущемъ обществѣ нѣкоторыя учрежденія для *духовныхъ сторонъ жизни*. Такъ напр., остановимся нѣсколько на очеркѣ способа, какимъ, по Дюрингу, въ будущемъ обществѣ будетъ распространяться

и развиваться возрѣніе на природу въ ея цѣломъ и жизнь человѣческую въ особенности.

Формы этого распространения въ будущемъ ничего не должны имѣть общаго съ тѣмъ подобіемъ релігіозной пропаганды, о которой говорятъ, напр., Сенъ-Симонъ и Ог. Контъ. Описываемые ими органы науки, напоминающіе собою жрецовъ, суть продукты фантазіи, не имѣющіе никакихъ шансовъ на осуществленіе въ будущей дѣйствительности. „Кто разумно и серьезно раздѣлался съ мыслию, что для сообщенія идей о мірѣ и жизни долженъ быть установленъ и поддерживаемъ классъ уполномоченныхъ на это публичныхъ учителей, тому никогда не придетъ въ голову странная мысль перенести въ область разумной общественности подобную духовную опеку, хотя бы она и была вполне основана на наукѣ и истинѣ“. Для того чтобы въ будущей общественности могли имѣть значеніе тѣ или другія идеи, онѣ должны будутъ непосредственно заявить свою силу надъ умами путемъ разумнаго доказательства при помощи свободнаго слова. „Даже теперешняя *пресса и литература*, при всѣхъ ея недостаткахъ, все таки по естественнымъ своимъ основаніямъ исключаетъ жреческіе элементы. Въ нѣкоторыхъ, конечно, сравнительно не многихъ ея направленіяхъ, она развиваетъ такое духовное вліяніе, которому для должной полноты не достаетъ только расширенія размѣровъ. //Дополненная свободой устной рѣчи, съ которою во всякомъ собраніи можетъ выступить кто угодно безъ всякаго жреческаго, цеховаго или другаго какого клейма, печатное и именно періодическое сообщеніе мыслей и событій было бы вполне достаточнымъ носителемъ духовной жизни общества“ // Конечно, литература и пресса будущаго общества будетъ походить на современную только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Принципъ наживы, вносящій теперь порчу въ книжное и журнальное дѣло, исчезнетъ въ будущемъ обществѣ какъ изъ этой, такъ и изъ другихъ отраслей дѣятельности человѣческой. При отсутствіи корыстныхъ мотивовъ въ будущемъ обществѣ и его литературѣ, умственная зрѣлость должна дойти какъ у писателей, такъ и у читателей до той высоты, что одни будутъ писать только вещи, имѣющія дѣйствительную цѣнность, а другіе будутъ въ высшей степени серьезно и разборчиво относиться къ своему чтенію.

Въ тѣсной связи съ этими основаніями для распространения въ будущемъ обществѣ идей и познаній путемъ литературы будутъ сто-

ять и начала общественнаго просвѣщенія. Основу этого просвѣщенія, по Дюрингу, будетъ составлять его единство и равенство для всѣхъ членовъ общества. Конечно, это относится къ общему образованію, спеціальныя же или техническія знанія будутъ опредѣляться наклонностью и призваніемъ, хотя всѣмъ и каждому будетъ открытъ доступъ ко всякой спеціальности. Въ фундаментъ школьнаго всеобщаго образованія лягутъ математика и наиболѣе сросшіяся съ нею части естествознанія (напр., физика и механика). Что же касается до преимущественно описательныхъ областей естествовѣденія, каковы напр., зоологія и ботаника, то онѣ отойдутъ на второй планъ. Точно также войдутъ въ общее образованіе физиологія и гигиена, имѣющія большую важность для поддержки матеріальной жизни. Съ другой стороны въ составъ высшаго образованія членовъ будущаго общества должна войти наука объ основныхъ началахъ общественности. Въ этомъ случаѣ школа дастъ систематическое дополненіе къ тому, что можетъ быть всюду наблюдаемо въ общественной жизни и что будетъ происходить и передъ взорами юношества. Что касается до нравственнаго воспитанія, то „въ будущемъ обществѣ вся общественная жизнь будетъ служить школою и упражненіемъ въ хорошихъ нравахъ, а потому оно (т. е., общество) и не будетъ имѣть нужды въ столько же бесплодныхъ, сколько искусственныхъ учрежденій, которымъ въ наше время сообщается характеръ спеціально воспитательныхъ заведеній. Вообще, цѣлью школы должно быть знаніе, а не направленіе и содержаніе воли“. Точно также выйдетъ изъ области школы искусство и поэзія и будетъ производить свое облагораживающее нравы и страсти вліяніе во всѣхъ областяхъ жизни. „Вся общественная жизнь должна засвидѣтельствовать, что она сдумѣетъ отвѣчать требованіямъ гармоніи, красоты и достоинства не въ однихъ только зданіяхъ и монументахъ разнаго рода, но въ каждомъ своемъ проявленіи и во всѣхъ своихъ формахъ. Понятіе эстетическаго оказывается слишкомъ узкимъ, если мы относимъ его только къ искусству въ спеціальномъ смыслѣ этого слова. Нѣтъ ни отношеній между мыслями, ни формъ поведенія или дѣяній, на которыя нельзя было бы перенести этого понятія. Изъ его сферы не ускользаетъ ни изящная форма алгебраическаго выраженія, ни лучшій оборотъ рѣчи въ обыкновенномъ разговорѣ“. Что имѣетъ силу относительно рода, т. е., изящнаго вообще, тоже должно прилагаться и къ виду, т. е., поэзіи. И она найдетъ себѣ новые предметы сравнительно съ тепереш-

ними и охватить всѣ формы новой жизни: ничто чисто человеческое не можетъ оставаться недоступнымъ для идеальнаго и высшаго выраженія.

Точно также и философія должна сдѣлаться, по Дюрингу, всеобщимъ достояніемъ въ будущемъ обществѣ, гдѣ получить полную силу принципъ упрощенія науки и приобрѣтенія ея прямыми путями. Когда наука объ основныхъ формахъ міроваго бытія очистится отъ разныхъ схоластическихъ прибавокъ и ограничится одною достовѣрною дѣйствительностью, „то она даже и для юношескаго ума не представитъ никакихъ непреодолимыхъ трудностей“. Основные философскія понятія должны войти въ плоть и кровь общества и служить для всякаго его члена исходными пунктами въ сужденіи объ устройствѣ бытія и міра. Въ социализованномъ обществѣ философія дѣйствительности составитъ настоящую теоритическую подкладку для „всеобщаго аффекта“, который будетъ стремиться охватить все существующее. Увѣренность въ жизненномъ счастіи будетъ опираться на убѣжденіе, что оно заложено въ самыхъ глубочайшихъ основахъ міровой логики. (С. 401—431).

Здѣсь я заканчиваю изложеніе философіи Дюринга. Надѣюсь, что въ немъ мною не было опущено ни одно изъ *важнѣйшихъ понятій* и ни одно изъ *основныхъ положеній*, входящихъ въ содержаніе главныхъ частей системы (теоріи познанія, или метафизики, философіи природы, этики, философіи права и общественности). Надѣюсь также, что сущность мысли Дюринга была вѣрно мною передана и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она была передаваема отъ меня и въ сжатой формѣ. Само собою разумѣется, что въ этомъ изложеніи опущены многія подробности въ развитіи главныхъ положеній Дюринга, а также и второстепенныя положенія. Изрѣдва я принужденъ былъ въ силу соображеній, имѣющихъ достаточное основаніе, смягчить форму мысли автора, но сущность ея отъ этого не пострадала, что, надѣюсь, признають знакомые съ подлинными сочиненіями Дюринга.

Къ изложенію этому я присоединяю свои *критическія замѣчанія* на философію Дюринга. Эти замѣчанія предлагаются мною не какъ полная и всесторонняя оцѣнка цѣлой системы, но какъ не бесполезный матеріалъ для нея.

Критическія замѣчанія въ философской системѣ Дюринга. *Dühring*

§ 1. Личный характеръ Дюринга и поставленный имъ принципъ, по которому философія есть выраженіе нравственнаго настроенія.

Многимъ читателямъ извѣстенъ черезъ газеты скандалъ, случившійся недавно съ Дюрингомъ въ берлинскомъ университетѣ, гдѣ онъ четырнадцать лѣтъ въ качествѣ приватъ-доцента читалъ лекціи по философіи и политической экономіи. По жалобѣ профессоровъ этого университета правительствомъ было отнято у Дюринга право на чтеніе лекцій. Обвиненіе, направленное противъ Дюринга, состояло въ томъ, что онъ не только оскорбляетъ и клеветаетъ какъ на цѣлую ученую коллегію, такъ и на отдѣльныхъ ея членовъ путемъ печати, но что, для цѣлей оскорбленія и нападенія на лица и учрежденія, онъ злоупотребляетъ и устнымъ академическимъ словомъ. Это обстоятельство побуждаетъ меня сдѣлать нѣсколько замѣчаній о *личномъ характерѣ* Дюринга, по скольку онъ отражается въ его философской и ученой дѣятельности. Эта характеристика, для которой матеріаломъ послужатъ только данныя, заимствованныя изъ сочиненій самаго Дюринга, дастъ намъ случай подвергнуть критическому анализу одинъ изъ поставленныхъ имъ *принциповъ*, по которому философія должна быть не только знаніемъ, но и настроеніемъ или направленіемъ (*Gesinnung*).

Въ заключительной главѣ „Курса“ Дюрингъ указываетъ на научныя условія, при которыхъ развивалась его система и дѣлаетъ оцѣнку значенія, какое имѣютъ разныя его сочиненія (N. D., W. L.,^x и пр.), какъ части этой системы. При этомъ онъ описываетъ различныя обстоятельства, входящія въ исторію его жизненнаго и ученаго поприща.

ковы напр., система Спинозы, Фихте, (старшаго), Гегеля, Спенсера, но даже и съ менѣе цѣльными, каковы напр., система Декарта, Канта, Шопенгауера, Ог. Конта. Не единство принципа, основной идеи и единство метода связываетъ части системы Дюринга, а *единство его субъективнаго настроенія.* Съ этимъ обстоятельствомъ тѣсно связанъ весьма важный недостатокъ, не мыслимый въ философской системѣ, удовлетворяющей понятію системы, недостатокъ, состоящій въ принципиальномъ перевѣсѣ *производныхъ* частей системы надъ основными. Центр тяжести системы Дюринга не въ теоріи познанія и метафизикѣ, какъ должно бы было быть, и даже не въ ближайшей къ ней этикѣ, а въ *ученіи объ обществѣ*, которое должно опираться на этику. Общество, социализированное на основаніи безусловной автономіи и полного благоденствія индивидуума, — вотъ *начало*, передъ которымъ должны были, во что бы то ни стало, *преклониться* и этика, и философія природы, и теорія познанія съ метафизикой. Но чтобы это преклоненіе имѣло благовидную и естественную форму потребовалось соединеніе разнородныхъ философскихъ направленій и началъ; но объ этомъ сказано будетъ ниже.

Далѣе, не смотря на всѣ притязанія Дюринга, философія его не можетъ быть поставлена на ряду съ произведеніями тѣхъ мыслителей, которые недостатки въ цѣльности системы сторицею искупили *великими открытіями* и такими *оригинальными концепціями* или гипотезами, съ которыхъ начинаются новые эпохи въ исторіи философскаго міросозерцанія и которыми открываются новыя пути для его развитія. Таково, напр., гениальное вскрытіе сущности и противоположности двухъ основныхъ философскихъ понятій: бытія и перемѣны (быванія), сдѣланное въ древности Парменидомъ и Гераклитомъ; таково открытіе природы понятія Сократомъ и на этомъ открытіи развитая Платономъ гипотеза идей; таково открывающее новую эпоху въ философіи положеніе Декарта: *cogito ergo sum*; таково величайшее открытіе, сдѣланное Кантомъ относительно природы пространства и времени; такова его не менѣе гениальная концепція вещи въ себѣ и явленія; такова гениальная гипотеза воли Шопенгауера, начинающая собою новое міросозерцаніе, имѣющее большіе шансы — стать однимъ изъ великихъ историческихъ міросозерцаній. Ничего подобнаго мы въ философско-научной дѣятельности Дюринга не найдемъ и ставить его на ряду съ первоклассными мыслителями ни въ философіи, ни въ области другихъ наукъ никакъ

не можемъ, ибо и въ политической экономіи, и математикѣ Дюрингомъ не сдѣлано ни открытій, ни вообще ничего такого, что двигаетъ науку впередъ.

Но, несмотря на это, все таки *сравнительная оригинальность и талантливость* Дюринга во всѣхъ областяхъ, которыми онъ занимался, не подлежитъ сомнѣнію. Оба эти качества сказались въ разработкѣ частныхъ; въ замѣчательной по временамъ критической проницательности и остроумной оцѣнкѣ чужихъ воззрѣній; въ умѣнны выдѣлить существенную сторону сложнаго или запутаннаго вопроса и освѣтить его значеніе; въ искусствѣ дѣлать новыя комбинаціи изъ прежде извѣстныхъ положеній. Всѣ эти качества обнаруживаются тѣмъ ярче, чѣмъ отдаленнѣе соприкосновеніе изслѣдуемаго имъ частнаго вопроса съ сферою политической и соціальною, и вообще чѣмъ менѣе вопросъ можетъ задѣвать его страсти или же предвзятая воззрѣнія. По этому безспорно лучшее его сочиненіе относится къ области математической, именно: *Krit. Gesch. d. Princ. der Mechanik*. Въ этомъ сочиненіи, по справедливому и компетентному отзыву философскаго факультета Геттингенскаго Университета, „полное знаніе предмета и литературы, къ нему относящейся“, соединено „съ тонкимъ критическимъ тактомъ въ распредѣленіи огромнаго историческаго матеріала, въ оцѣнкѣ научнаго значенія передовыхъ личностей и прогрессивнаго развитія началъ и положеній науки“. Нельзя также не отдать должной справедливости и другому его сочиненію, также касающемуся отвлеченныхъ вопросовъ логики и теоріи познанія, именно *Natürliche Dialektik*. Въ этомъ сочиненіи съ большимъ остроуміемъ сдѣланъ анализъ основныхъ законовъ мышленія: тождества, противорѣчія, исключеннаго третьяго и достаточнаго основанія, далѣе выяснено существенное сходство логики и математики вообще и въ частности одинаковость, по существу, какъ логическихъ, такъ и математическихъ безконечностей, причемъ проблемы логическихъ безконечностей (пространства, времени, причинности) сведены къ проблеммѣ математической (числа). Но въ особенную заслугу, по моему, должно поставить Дюрингу анализъ понятія бытія и указаніе, что это понятіе скрывается и въ другихъ формахъ (напр., въ понятіи субстанціи, вещи въ себѣ). Этому анализу посвящено много хорошихъ страницъ въ *N. D., W., L.* и далѣе въ *K. G. P.* Конечно, сущность этого понятія вскрыта давно (впервые еще Парменидомъ), но отъ того нисколько *не теряютъ цѣны* указанія Дюринга на безу-

за отсутствіемъ этихъ плановъ люди должны взять свою судьбу и благоденствіе въ свои руки. Изъ обороняющагося отъ обвиненій въ ненаучности и фантастичности, какъ было въ 20-хъ, 30-хъ, 40-хъ годахъ нашего вѣка, онъ сталъ нападающимъ: онъ въ свою очередь упрекаетъ своихъ противниковъ въ научной отсталости и уличаетъ въ непослѣдовательности, логическомъ противорѣчии и лицемеріи; и нельзя не сказать, что тѣмъ изъ противниковъ социализма, которые отрицаютъ трансцендентное бытіе и стоятъ на почвѣ эмпиризма и сенсуализма и далѣе тѣмъ, которые исповѣдуютъ, что наслажденіе есть коренной и единственный стимулъ человѣческихъ дѣйствій и что весь прогрессъ долженъ состоять въ увеличеніи наслажденія, нельзя не сказать, что имъ трудно защититься отъ упрековъ социализма. Когда вся задача жизни и общества, и индивидуумовъ — въ наслажденіи, въ возможно большемъ земномъ, осязаемомъ счастьи, то логика требуетъ не отступать ни передъ какими попытками и экспериментами для достиженія этой цѣли.

Конечно, вышесказаннымъ еще далеко не исчерпываются причины, по которымъ социализмъ промѣнялъ свою прежнюю мечтательно-утопическую подкладку на матеріалистическую и практическую. Во всякомъ случаѣ это фактъ; и философія Дюринга имѣетъ притязаніе быть его полнымъ теоретическимъ отраженіемъ. Философская система Дюринга есть ничто иное, какъ попытка, освободивъ социализмъ отъ утопическихъ, мечтательныхъ, религіозныхъ элементовъ, дать ему современную научно-философскую основу; ввести его въ такое философское цѣлое, въ которомъ онъ стоялъ бы въ научной и логически необходимой связи съ теоріей познанія, метафизикой, философіей природы, этикой, вообще съ цѣлымъ цикломъ дисциплинъ, органическое единство которыхъ составляетъ *conditio sine qua non* цѣльнаго, истинно философскаго міросозерцанія. Въ этомъ, по моему, и заключается *спеціальное отличіе* системы Дюринга среди различныхъ направленій современной философіи, въ этомъ и ея относительное значеніе. }

Но задача Дюринга представляла одну главную трудность тѣ томъ, что почва, на которой стоялъ социализмъ издавна, не есть почва, на которой вырабатывается современный общій характеръ и теоретической науки, и практической жизни. Я попытаюсь въ нѣсколькихъ чертахъ обозначить путь и средства, которыми Дюрингъ съ несомнѣннымъ остроуміемъ, хотя и неудачно, преодолевалъ это затрудненіе. У преж-

няго соціалізма доволно сумнительнымъ былъ пунктъ провиденціального предназначенія челоуѣка къ благополучію въ земномъ царствѣ божіемъ, какъ выражались нѣкоторые соціалисты религіознаго пошиба. Да и самое это благополучіе, какъ оно описывалось въ разныхъ утопіяхъ, солнечныхъ государствахъ, икаріяхъ и т. п., напоминаетъ отчасти древнюю Спарту, отчасти средневѣковій монастырь, а отчасти и новѣйшую благоустроенную казарму и не особенно манитъ современнаго соціалиста, который отсутствіе всяческихъ властей, авторитетовъ, правилъ, феруль и соотвѣтствующую этому отсутствію полную нестѣсняемость индивидуальной воли (по Дюрингу, автономію индивидуума) ставитъ на первомъ планѣ будущаго счастья. По этому матеріалистическій атомизмъ гораздо лучше согласуется съ этою автономією: вселенная не мыслящихъ и не чувствующихъ атомовъ ни къ чему не обязываетъ и даетъ полный просторъ челоуѣческой волѣ; „по отношенію къ природѣ челоуѣкъ долженъ имѣть только одни хотѣнія“, говоритъ Дюрингъ. Но съ другой стороны механика атомовъ, предоставляя полное право хотѣть, что угодно, не даетъ никакихъ обѣщаній на исполненіе этихъ хотѣній и притомъ считаетъ всѣ наши хотѣнія, мысли, логику, словомъ, *сознаніе* за столь ничтожный и побочный продуктъ своей неустанной работы, что для *всѣхъ ощущеній, мыслей и хотѣній*, сколько бы ихъ ни было во вселенной, ни одинъ безконечно малый атомъ не измѣнитъ на билльонную долю миллиметра своего движенія и направленія.

Дюрингу предстояла не легкая задача тихомолвомъ вдвинуть въ атомистическую машину нѣчто въ родѣ суррогата духа, *провидѣнія*, однимъ словомъ, нѣчто аналогическое сознанію, ибо только чему либо сознающему и чувствующему можетъ быть дорога и близка участь чувствующаго. Для этого дѣлается великолѣпный прыжокъ въ рациональный идеализмъ и объявляется, что показанія нашего познанія вовсе не суть побочный продуктъ механики атомовъ, а полный, подстрочный переводъ ея и притомъ не только одинъ какой либо элементъ сознанія, напр. чувственное воспріятіе, повѣствуетъ намъ о внутреннѣйшихъ пружинахъ этого механизма, но вся область сознанія. Спросите дѣйствительнаго, правовѣрнаго матеріалиста, какую роль играютъ во вселенной двигающихся атомовъ, напр., логическій законъ противорѣчія или понятіе бытія; и онъ добросовѣстно отвѣтитъ вамъ, что эти, такъ сказать, мозговья фосфоресценціи за предѣлами весьма тѣснаго пространства занимаемаго мозгомъ, *никакого значенія не имѣютъ* и что съ разстройствомъ физико-химическаго